

беседники должны иметь общую информацию, которая составляет отправную точку сообщения. Это совокупность знаний, которыми обладают все члены определенного лингвистического сообщества, и это знание называется фоном. Автор предполагает, что читателям известны герои Н. В. Гоголя, поэтому для повышения эффективности он передает эту информацию иррационально. Вся литература и журналистика не имеют никакого смысла без этого эффекта, поэтому восприятие художественного намерения автора не менее важно, чем буквальное понимание сюжета [1, с. 52–54].

Не вызывает сомнения, что национально-культурная специфика определяется вне языка: под влиянием традиций и обычаев, учитывая особенности своеобразия системы ценностей, присущей лингвокультурной общности, но она всегда отражена в культурной коннотации слов – носителях национально-культурной информации. Например, традиция приветствовать дорогих гостей хлебом-солью появилась очень давно и стала привычкой для русского населения. Она также отражена в образном слове *хлебосольный*, указывающем на особенность и самобытность гостеприимства русского народа.

В заключение сказанному выше, нужно отметить, что рассмотрение национально-культурной специфики словарного состава языка способно выявить информационный культурный фон слова, содержащий в себе сведения о нахождении объекта в культурной среде, неизменные образные ассоциации, а также общепринятое отношение к представленному объекту. Исследования в данном направлении дают возможность раскрыть механизмы того, как язык передает культуру, как обычаи, традиции, быт людей отражаются в языке, что будет способствовать взаимопониманию и диалогу культур.

Библиографический список

1. Буров, А. А. Русский язык и гармонизация языковой картины мира поликультурного региона / А. А. Буров, Л. В. Витковская, В. Г. Лебединская // Вестник ПГЛУ. – 2005. – № 3. – С. 52–54.
2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–73.
3. Леонтьев, А. А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики / А. А. Леонтьев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 14–19.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЦЫ В НАСЛЕДИИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Э. Л. Гасанов (Гянджа, Азербайджан)

В данной научной работе на основе многочисленных фольклорных единиц было исследовано этнолингвистическое значение отдельных литературных образцов из наследия великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами

Гянджеви. Данные образцы из всемирно известной «Хамсе» («Пятерице») великого шейха Низами также были изучены как наглядные художественные примеры и показатели многовековой народной мудрости, сохранивших свое отражение в поэмах «Сокровищница тайн», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Хосров и Ширин», «Искендернаме».

Ключевые слова: литература; Азербайджан; Ренессанс; Низами Гянджеви; фольклор.

Великий Азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви (1141–1209), получивший свое вдохновение с небес и опирающийся на мудрость народа, украсил свои произведения жемчужинами фольклора и дал им духовные узоры, которые будут существовать вечно. На фоне этих закономерностей моральные ценности азербайджанского народа были представлены в целом на уровне законов мироздания. Согласно распоряжению Президента Азербайджанской республики от 5 января 2021 года, текущий год был объявлен «Годом Низами Гянджеви».

В творчестве Низами Гянджеви фольклорные примеры сочетаются с чудодейственной силой художественного слова. Повествование ашугов сравниваются с песнями пророка Давида [7, с. 101–102]:

*Песни небесные пророка Давида,
Стали бесценными устами народа.*

В стихах Низами все, что кажется обыденным и простым, превращается в мудрость:

*Огонь не прост, хотя и зажигает,
То, что быстро горит, то также погибает.*

Пословица выражает также эту идею: «Кто быстро горит, тот быстро гаснет» [4, с. 145–146].

Также следует отметить, что нет особой необходимости использования источников или научных аргументов для доказательства национальной (этнической) принадлежности Низами Гянджеви. Потому что, духовность наследия и личности Низами смешалась с мудростью азербайджанского народа и стала единой системой, проникла в сердца и поразила разум. Произведения гениального поэта украшены рассказами, пословицами и притчами таким образом, что отрицать его тюркские корни так же нелогично, как отрицать Солнце.

Опираясь на божественную силу слова на протяжении веков, наши мудрые предки, пытавшиеся освободиться от сил зла, сжигали целебное растение «узэрлик» (гармала). Низами Гянджеви умело превратил этот обряд в средство художественного выражения [5, с. 9137–9138]:

*Ива стала говорить, словно боясь человека,
Но на помощь пришел своевременный дым гармала.*

Подобно легкому ветерку с ив, человека могут сглазить, а маленькие семена внутри мака подобны гармалу.

Считается, что сова любит руины и знает, где находятся спрятанные там сокровища. Воем, сова раскрывает свои секреты, и тот, кто ее убивает, находит сокровища. У Низами Гянджеви это простое наблюдение превращается в мудрость:

*Сова ведь символ горе была всегда,
От чего и голову сберечь не смогла.*

Слово «проклятие» здесь означает выражение, которое до сих пор живет в нашем языке: *Пусть сова воет в вашей земле!*

Хотя большинство произведений Низами Гянджеви написано на персидском языке, оно богато образцами фольклора, отражающими тюркский дух нашего народа. По этой причине очень трудно войти в мир смыслов, вытекающих из пера поэта, не зная тюркского фольклора.

Литературный язык поэта настолько богат системой метафор, что большинство идей используется в более художественном смысле, чем в прямом смысле. В этом примере «затушить звезду дымом» – это преувеличение. Сжигание гармала связано с обрядом изгнания нечистых сил.

Человек не должен забывать про мир иной. Потому что жизнь души вечна. Мировая жизнь – это испытательный полигон. В Низами Гянджеви часто вспоминают переход между двумя мирами. Согласно философскому учению Низами, нельзя забывать про смерть и быть готовым встретить загробную жизнь в любое время [6, с. 50–52].

Мир не вечен и время от времени этот смертный мир никому не предоставляется. Образно выражаясь: многие Соломоны прошли через этот мир. Имение Соломона на своем месте, но самого его нет в живых.

*Не спрашивай часто, где богатство и земли Соломона?
Земли на месте, а где же душа Соломона?*

Жизнь в этом мире основана на борьбе между добром и злом. Все правители забыли справедливость, за исключением праведного пророка Соломона, который сочетал царствование с пророчеством. Истинные люди стали невидимыми, как феи, из страха перед несправедливостью. Если вы будете искать их при дневном свете, вы не найдете их [5, с. 9138–9139]:

*Исчез Соломон благородный спустя века,
От лжи не видно никак человека.*

Вспомним народные мудрости, пословицы о пророке Соломоне: *Мир, который не оставлен Соломону, не останется никому, Здесь прошло много Соломонов* и др.

Земля, камень, вода, ветер, лес, деревья, небо и даже небесные тела – у всех есть память. Благодаря этой памяти мертвая земля оживает, тайны сокрыты в сердце камня, вода движется и дает жизнь неодушевленным, ветер доставляет любовные письма от возлюбленных, снова разгорается потухший очаг, деревья оживают после зимней спячки, небо меняется.

Солнце, луна, планеты, звезды движутся. Без этой памяти вся вселенная была бы уничтожена. Как говорится: что посеешь, то и пожнешь.

В наследии Низами Гянджеви народная мудрость сочетается с небесными суждениями и становится философским учением. То, что сеет Бог Слова – шейх Низами, это не обычное зерно, а ядро мудрости. Великий поэт верит, что однажды эта мудрость вырастет, и все будут благодарить того, кто ее посеял:

*Посеял я зерно нашей мудрости,
Спустя века собрать плоды правдивости.*

Прежде всего нужно отметить, что Низами Гянджеви – божественный поэт. Душа его – тюркский дух. Обогадивший свой нрав благодаря бесчисленным источникам народного творчества и мудрости, Низами меняет фольклорные узоры с такой ловкостью и тонкостью, что дух слова не меняется, а становится более отточенным и становится чудом искусства [2, с. 247–250]:

*Посеял цветы и поливал как своевременно,
Пожинать горе было суждено безвременно.*

Посеял цветы, пожинал горе – выражение народа. Рассмотрим данную народную мудрость – баяты:

*Пожинал горе,
Горе лекарство мое, горе.
Люди посеяли цветы, то и собрали,
Мне же досталось лишь горе.*

В основе слова «смеяться» лежит корень «цветок». Когда человек смеется, он становится красивым. В народе говорят: «Как будто на его лице распустились цветы». Слово горе близко друг к другу. В этом баяте, основанном на рифмах, срывать цветы используется в прямом смысле слова, а пожинать горе – в переносном смысле. То же самое встречаем в произведениях Низами Гянджеви.

Опираясь на мудрость народа, Низами Гянджеви получил с небес божественные тайны. То, что мы сказали выше, является одним из небесных образов. В ясные ночи иногда светит луна. Белый свет создает божественную красоту вокруг луны и делится на яркие цвета [1, с. 29–31].

Сокровище мудрости Низами можно открыть только на основе языкового материала его народа – азербайджанских тюрков. Ключ к сокровищам – азербайджанский фольклор [3, с. 8–11].

Низами Гянджеви, считавший терпение ключом ко всем трудностям, знал, что те, кто попал в беду, могут получить от этого важный жизненный урок. Он тот, кто развязывает все узлы:

*Сказал он: будь терпелив, работой возвышайся,
Никто еще в беде вечно не оставался.*

У Низами Гянджеви даже прорастание семян становится очередной мудростью:

*Даже семя прорастет после благословления,
Поверь, ни одно дело не откроется без сомнения!*

Одна философская идея – ключ к другой философской идее. Семенная гниль – это переход к новой жизни. Потому что гниющие семена смешиваются с почвой и восстанавливают память о ней. Распад – это не уничтожение, а возвращение в новом духе, в новой форме. Закрытие и открытие смысла человеческого разума основано на одной и той же философской идее: как бы оно было открыто, если бы не было закрыто? Следовательно, единство противоположностей проявляется как в открытом так и в закрытом смыслах. Выражая свои философские взгляды, Низами Гянджеви ссылается на различные источники и исторические события. Однако гениальный поэт, который не всегда стремится дать одно и то же, совершенствует их, изменяя их по-своему.

Нет нужды доказывать, что искусство Низами Гянджеви берет свои истоки из азербайджанского фольклора. Ни один мастер такого уровня не может опираться на фольклор другого народа с такой привязанностью и любовью. Потому что фольклор – это такой пласт, такое поле языка, национального мышления, что он создается, живет и передается из поколения в поколение только через духовные узлы.

У каждой нации есть свой образ мышления, подход и представления о мире, вселенной, скрытые в нижних слоях национального мышления. Именно через это сообщество очень просто и легко определить, какая личность принадлежит к той или иной нации и ее духовной сокровищнице [6, с. 49–51].

Без знания фольклора нашего народа довольно сложно разгадать тайные коды нашего национального духовного мира, в том числе секреты творчества Низами Гянджеви. Потому что они едины. Самый лаконичный и надежный метод – это проведение анализа на основе фольклорных материалов, ведь фольклор сохраняет свои многовековые корни.

Библиографический список

1. Альтман, М. М. К истории Гянджи раннего средневековья: Писменные и археологические данные о населенной местности, занимаемой Гянджой с древнейших времен: IX–XIII вв. / М. М. Альтман // Изв. АН Азерб. ССР. – 1947. – № 1. – С. 28–38.
2. Əhmədov, F. M. Gəncənin tarix yaddaşı / F. M. Əhmədov. – Gəncə: Elm, 2007. – 246 s.
3. Əliyev, K. İ. Atalar sözləri və aforizmlər. «Folklor və yazılı ədəbiyyat» II cild / K. İ. Əliyev. – Bakı, «Nurlan», 2017. – S. 3–14.
4. Hasanov, E. L. Nizami Ganjavi 880: heritage of Ganja based on architectural and craftsmanship features of Sebzikar graveyard // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science, Philadelphia (USA), / 2021. Issue 1, vol. 93, part 2. – P. 144–150. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.25>
5. Hasanov, E. L. About comparative research of poems «Treasury of Mysteries» and «Iskandername» on the basis of manuscript sources as the multiculturalism samples /

- E. L. Hasanov // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11(16). – P. 9136–9143.
6. Qasimli, M. P., Quliyeva, R. Z. Nizami Gəncəvi yaradıcılığının folklor qaynaqları // Nizamişünaslıq jurnalı, № 5. AMEA Gəncə Bölməsinin Nizami Gəncəvi Mərkəzi. / Gəncə, 2015. – S. 44–67.
 7. Юсифли, Х. Г. Ренессанс и Низами Гянджеви / Х. Г. Юсифли. – Гянджа: Элм, 2016. – 334 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КОНТРАСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ПЕЛЕВИНА (НА ПРИМЕРЕ АНТИТЕЗЫ)

О. Е. Горбацевич (Минск, Беларусь)

В произведениях Виктора Пелевина антитеза является основным композиционно-стилистическим приемом построения текста, выступает в качестве смысловой доминанты, которая выполняет специфические эмоционально-экспрессивные стилистические функции. Сочетаясь с другими приемами создания образности языка, антитеза проявляется как одно из главных средств, характеризующих идиостиль писателя, его видение картины мира. В статье дается структурная классификация узуальной и окказиональной антитезы, раскрываются особенности ее функционирования в произведениях писателя.

Ключевые слова: фигуры контраста; контекстные отношения; смысловая доминанта; когнитивная оппозиция; антитеза узуальная и окказиональная; оксюморон; простая и сложная антитеза; аллойдзис.

До сих пор в лингвистической науке нет общей точки зрения на механизм образования, терминологическое обозначение и классификацию стилистических фигур, основанных на контрасте. В основе контрастной оппозиции лежит взаимодействие языковых и стилистических оппозиций, каковыми являются оксюморон и антитеза. Они отличаются тем, что оксюморон как языковая единица семантически системен, а антитеза, основанная на стилистических оппозициях, сочетает в себе системное противопоставление лексических единиц и оппозиции, определяемые контекстом. В оксюмороне связь между компонентами однозначна, так как в основе оксюморона лежат антонимы, а связь в стилистической оппозиции, которая и создает антитезу, не может быть однозначной, она определяется целым рядом контекстных отношений, оценкой автора, способностью читательского восприятия. То, что является лишь потенциально возможным в языке, может быть по-разному проявлено в речи.

Антитеза как стилистическая фигура контраста является одним из основных структурно-семантических и композиционно-стилистических принципов построения текста. Ее главная задача – акцентировать наиболее значимые для автора смысловые противопоставления, для того чтобы в полной мере отразить позицию писателя, специфическую картину его мира. Стилисти-